

KURAS Leonid Vladimirovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor; Chief Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kuraslv@yandex.ru)

KALMINA Liliya Vladimirovna, Dr.Sci. (Hist.), Leading Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kalminal@gmail.com)

USSR AND THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE SECOND WORLD WAR: MUTUAL ASSISTANCE AND COOPERATION

Abstract. *The relations between the Soviet Union and the Mongolian People's Republic in the first half of the 20th century are characterized by comprehensive assistance of the USSR and the Red Army to Mongolia and by military aid from the MPR and the Mongolian People's Revolutionary Army to the Soviet Union, as well as unprecedented political, military, and economic cooperation, which was manifested most fully during the years of the Great Patriotic War and the Second World War.*

Keywords: *USSR, MPR, Red Army, MPRA, Great Patriotic War, Manchurian Strategic Offensive Operation of 1945*

САМОЙЛОВА Мария Павловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А; marysom@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ПЕТРА СКАРГИ: ИСТОРИОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные политические идеи иезуитского проповедника Петра Скарги, такие как концепция единого государства и сильной власти, критика протестантизма и взгляды на контрреформацию. Идеи, сформулированные в XVI в., рассматриваются в контексте современных вызовов, таких как политическая поляризация, вопросы государственного суверенитета, религиозное многообразие. Статья исследует историографию проблемы, а также актуальность идей католического проповедника для современных дискуссий о роли религии в политике, поиска путей укрепления государственности, выявляет сходство и отличия между его эпохой и современностью.*

Ключевые слова: *Петр Скарга, историография, Брестская уния, религиозная полемика*

Введение. В России фигура иезуитского проповедника Петра Скарги известна в основном узкому кругу историков и образованной публике. Актуальность его идей носит опосредованный и в основном историко-идеологический характер. Однако фигура П. Скарги интересна как образ идейного противника России, поскольку он был главным идеологом Брестской унии 1596 г., которая привела к созданию униатской церкви. Для официальной российской историографии, которая рассматривает первое русское го-

сударство с центром в Киеве как общую колыбель восточного славянства¹, а православие – как его цивилизационную основу, П. Скарга расценивается как архитектор раскола и отторжения западных русских земель от русского мира через окатоличивание. Полемика П. Скарги с православными мыслителями [Самойлова 2012] вполне вписывается в современный нарратив извечного противостояния России и Запада в лице Польши и Ватикана, где Запад выступает как агрессор, стремящийся подчинить и ассимилировать православный народ.

Актуальность данной статьи для современной интеллектуальной практики России обусловлена тем, как современные российские историки и политологи могут использовать фигуру Петра Скарги и как пример сильного политика с государственным мышлением, и как политика, известного критикой олигархии. С точки зрения государственной идеологии интересными являются идеи П. Скарги, связанные с критикой эгоизма шляхты, которая ставила свои групповые интересы выше государственных, и это может находить отклик в спорах о путях развития современной России, хотя и в ином историко-культурном контексте. То есть, идеи Петра Скарги могут стать зеркалом для дебатов российского интеллектуального сообщества, однако эта аналогия ограничена, т.к. политический идеал Скарги – католическое государство, а это совершенно чуждо российской политической традиции.

Таким образом, актуальность творчества и идейно-политического наследия П. Скарги заключается в том, что его образ используется как исторический пример западной угрозы в трудах историков и в пропагандистских материалах.

Методология. Главным методом для подготовки текста статьи является историко-контекстуальный анализ, переосмысление идей в современном контексте. Автор также применяет текстологический анализ первоисточников, прежде всего «Сеймовых проповедей» и трактата «О единстве церкви Божией под единым пастырем» [Skarga 1857; 1882]. Для сопоставления идей П. Скарги с современными политическими проблемами автор статьи применяет метод компаративного анализа. Обзор историографии изучения идей Петра Скарги подготовлен с использованием метода сравнительного анализа историографических подходов. Для выявления и анализа ключевых дискуссий и споров, связанных с оценкой идей П. Скарги, использовался метод анализа историографической полемики.

Результаты. Основная коннотация фигуры П. Скарги в российской интеллектуальной традиции негативная: он используется как враждебная и подрывная фигура. Для польского современного общества фигура П. Скарги – внутреннее зеркало, в котором современное польское общество рассматривает свои современные страхи, конфликты, надежды на будущее.

Политические взгляды Петра Скарги становились предметом научного интереса историков, политологов, литературоведов. Творчество П. Скарги изучалось классиками польской историографии и литературоведения.

¹ Концепция «колыбели» рассматривалась в советской историографии в ряде работ [Греков 1953: 5-22; Мавродин 2009]. Также подчеркивалась важность появления древнерусского государства с центром в Киеве как политического фактора объединения северных и южных восточнославянских племенных союзов [Насонов 1951]. Д.С. Лихачев на основе марксистской методологии выстраивал концепцию распада у восточных славян родового строя и складывания феодальных отношений как фактора, приведшего к формированию древнерусской народности [Лихачев 1945]. Некоторые западные историки-медиевисты считают, что славяне вообще не могли иметь собственное государство [Толочко 1990].

А. Брюкнер в обзорном труде, посвященном всей польской литературе, анализировал Скаргу как выдающегося полемиста и писателя [Brückner 1908], отмечал его риторическое мастерство, указывал его влияние на формирование польского языка, а также анализировал убедительный риторический стиль Скарги, которым восхищались даже его полемические противники. Более детальный анализ фигуры П. Скарги содержится в Старопольской энциклопедии, где А. Брюкнер посвятил ему отдельную обширную статью¹. Здесь Скарга рассматривается как общественный деятель, борец с реформацией и православием.

С этих же позиций рассматривал творчество и деятельность П. Скарги известный польский историк, изучавший идейные течения в Польше, Станислав Кот [Kot 1932]. Он подходил к Петру Скарге не просто как к проповеднику, а как крупному идеологу и политическому деятелю Конрреформации в Речи Посполитой; его анализ идей Скарги был более критичным и сосредоточенным на социально-политическом контексте, чем литературоцентрический подход А. Брюкнера. Как историк, симпатизировавший реформационным движениям, С. Кот критиковал Скаргу за идеи свертывания религиозных свобод в Польше. С. Кот также положительно оценивал методы, которые иезуиты и П. Скарга использовали для борьбы с инакомыслием: это мощная проповедь, сеть иезуитских коллегиумов, политическое влияние и полемическая литература.

Еще один польский историк конца XIX – начала XX в. Вацлав Собеский, автор фундаментальных работ по истории Польши, специально анализировал политическую программу П. Скарги в контексте внешней борьбы и внутренних угроз, а также указывал на ее консервативный характер. Он, как и С. Кот, рассматривал П. Скаргу как политического игрока, анализировал его тесные связи с королевским двором Сигизмунда III, Римом и Габсбургами, подчеркивал его роль в формировании политики религиозной нетерпимости, показывал, как религиозные идеи П. Скарги использовались в политических целях [Sobieski 1902]. Однако, в отличие от А. Брюкнера и С. Кота, Вацлав Собеский критиковал религиозную позицию П. Скарги, показывал, что его проповеди способствовали разжиганию религиозной ненависти, росту межконфессиональной напряженности [Sobieski 1910], исследовал связи между деятельностью П. Скарги и религиозными конфликтами эпохи.

Польские историки социалистического и постсоциалистического периода давали более сложную и неоднозначную оценку идеям и деятельности П. Скарги: с одной стороны, критиковали его как реакционного клерикала, с другой – признавали его прозорливость в критике шляхетской анархии. Януш Тазбир, один из крупнейших польских историков, специалист по Реформации и Контрреформации, всесторонне проанализировал взгляды Скарги в специальной монографии [Tazbir 1962], его место в общественно-политической борьбе эпохи, его риторiku и влияние. Я. Тазбир оценивал фигуру Скарги как трагическую; он считал его блестящим мыслителем, чья программа реформ была утопической и не могла быть реализована в условиях нарастания шляхетских вольностей. Я. Тазбир отмечал, что П. Скарга сыграл ключевую роль в создании демонизированного образа не только Реформации, но и православия и России в польском общественном сознании. Он указал на то, что Скарга, являясь сторонником сильного монархического государства, на практике способствовал разжиганию религиозных конфликтов и нестабильности [Tazbir 1967].

¹ Brückner A. *Encyklopedia staropolska*. Warszawa: Trzaska, Evert i Michalski. T. 4. 1939.

Станислав Гжебовский, известный польский историк государства и права, также уделил внимание исследованию политических взглядов П. Скарги в контексте развития польской политической мысли в работах «Политические проблемы Польши эпохи Сигизмундов» [Grzybowski 1994] и «История государства и права Польши» [Grzybowski 1966]. Он подчеркивал его приверженность идеям сильного монархического государства, отвел Скарге место среди ключевых фигур, повлиявших на развитие польской государственно-правовой доктрины. С. Гжибовский указывал на органистический подход Скарги в его концепции государства (государство – организм, требующий сильной власти), исследовал концепцию общего блага как основы прочной политической власти, анализировал критику Скаргой принципа выборности монарха и *liberum veto* [Grzybowski 1966].

Для России фигура П. Скарги является зеркалом враждебного Запада. Его идеи целесообразно использовать для консолидации современного общества и обоснования линии текущей внешней политики РФ. Поэтому важно обратить внимание на политические идеи Скарги, фундаментальные для идеологии Речи Посполитой времен XVI – начала XVII в., и на российскую историографию данного вопроса.

Дореволюционная российская историография XIX – начала XX в. характеризовалась двойственным подходом к анализу политических идей П. Скарги. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» традиционно рассматривал Скаргу как деятеля Контрреформации, подчеркивал его роль в усилении католического влияния на восточнославянских землях [Карамзин 1829: 208–283]. В главе IV Н.М. Карамзин описывает, как польские политики и религиозные деятели, включая П. Скаргу, использовали внутренние проблемы России для продвижения своих интересов. Скарга упоминается как идеолог католического влияния на восточнославянских землях, Николай Михайлович упоминает его и как одного из главных разработчиков планов Унии и подчинения православия Риму. Таким образом, Скарга был символом идеологического противника, деятелем, чьи проповеди и политические проекты угрожали национальному суверенитету России и православной идентичности (именно по этим причинам Н.М. Карамзин упомянул его в своем фундаментальном труде).

В советской историографии доминировал марксистский подход, и Скарга рассматривался как идеолог феодально-католической реакции. Б.Ф. Поршнев в монографии «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» анализировал религиозно-политическую ситуацию в Восточной Европе с использованием междисциплинарного подхода, сочетал исторический, политический и экономический анализ [Поршнев 1976: 369]. Скарга интерпретировался как связующее звено между Римом и правящими кругами Польши. Особенности подхода Б.Ф. Поршнева к анализу деятельности П. Скарги состоит в том, что он рассматривал его не как локальную фигуру, а как элемент общеевропейской системы Контрреформации.

Советская историография о П. Скарге 1960–1980-х гг. делала акцент на социально-экономическом аспекте его деятельности, сосредоточивалась на его роли в подавлении протестантизма и православия. Б. Флоря анализировал роль П. Скарги в идеологической подготовке Брестской унии, подчеркивал, что его деятельность способствовала обострению национально-религиозных противоречий [Флоря 2007], рассматривал П. Скаргу как теоретика католической экспансии [Флоря 1996]. Исследователь показывает, как П. Скарга

влият на политику короля Сигизмунда III Вазы, будучи с 1588 г. придворным проповедником, как его деятельность способствовала тому, что польская власть встала на сторону униатства. В более широких работах, посвященных Смутному времени, Б. Флоря рассматривает Брестскую унию как один из факторов, обостривших религиозные противоречия, считая, что это создало почву для последующего участия Польши в событиях в Московском государстве во время польско-литовской интервенции [Флоря 2023: 275–278]. Таким образом, роль Скарги в инициировании унии стала важной предпосылкой для дальнейших конфликтов.

Другим выдающимся советским историком, специалистом по истории Речи Посполитой и западнорусских земель был И.Л. Андреев, который в 1980-е гг. занимался исследованием политических взглядов П. Скарги в контексте кризиса шляхетской демократии [Андреев 1986]. В его работах рассматривается период истории Речи Посполитой, характеризующийся конфликтами между королевской властью и шляхтой и борьбой между группировками магнатов [Андреев 1981]. П. Скарга оценивается как активный участник сложной политической борьбы своей эпохи. Однако его программа была утопической, поскольку неверно оценивала соотношение социальных сил – шляхта никогда бы не отказалась от своих «золотых вольностей».

Современные историки достаточно критично оценивают выводы историков советского периода не только по методологической причине (использование марксистского подхода). Они отмечают слабый анализ религиозно-нравственного аспекта наследия и деятельности Скарги, а также преувеличение степени его влияния на политику эпохи. В современной российской историографии (с 1990-х гг. по настоящее время) фигура Петра Скарги изучается значительно более комплексно и взвешенно. Исследователи вышли за рамки чисто классового подхода и акцентируют внимание на его роли как мыслителя, идеолога и религиозного деятеля в контексте истории и идеологии Европы и в контексте российско-польских отношений.

Значительный вклад в исследования деятельности П. Скарги и подготовки Брестской унии внес специалист по истории конфессиональных отношений в Восточной Европе М.В. Дмитриев, который рассматривает П. Скаргу в контексте религиозной полемики между католиками и православными в западных русских землях в составе Речи Посполитой и отводит ему ключевое место как идеологу униатства и контрреформации. Он анализирует трактат П. Скарги «О единстве церкви Божией под одним пастырем» как ключевое идеологическое обоснование Брестской унии [Дмитриев 2003].

А.И. Филюшкин, известный российский историк, специалист по истории Восточной Европы XVI–XVII вв. отличается вниманием к идеологическим и политическим аспектам деятельности П. Скарги в контексте международных отношений и формирования идентичностей [Филюшкин 2013]. Он рассматривает Скаргу как одного из создателей идеологии, обосновывавшей экспансию Речи Посполитой на восток. Трактаты Скарги анализируются как программные документы, направленные на подчинение православных земель власти католической Польши. А.И. Филюшкин доказывает, что Скарга формировал образ Московского государства как врага христианского мира, приходит к выводу, что идеи Скарги способствовали возникновению негативного стереотипа о России в польском обществе. Брестскую унию, считает Филюшкин, Скарга рассматривал как инструмент политического объединения под эгидой Польши [Филюшкин 2018: 210–225]. Работы А.И. Филюшкина позволяют увидеть в Скарге не только религиозного деятеля, но и политиче-

ского стратега, участника информационной войны эпохи. Его подход позволяет понять, как наследие Скарги влияет на российско-польские отношения.

Специалист в области религиоведения Т.Р. Хуснутдинов исследует то, какие богословские традиции повлияли на П. Скаргу, и приходит к выводу, что тот синтезирует идеи схоластики и гуманизма, четко следует святоотеческому учению о еретиках [Хуснутдинов 2024].

Политические идеи П. Скарги следует оценивать как крайне консервативные, направленные на усиление монархической власти. Их он, в частности, изложил в трактате «Проповеди сеймовые» (1597 г.) [Skarga 1857], в котором предлагал проекты реформ, направленные на превращение католицизма в единственную и государственную религию, и ограничение прав шляхты в пользу усиления центральной королевской власти. П. Скарга был фанатичным и непоколебимым католиком, католицизм считал фундаментом государства. Вот основные постулаты его политических идей.

1. Идея единства веры. Он полагал, что религиозный раскол (а в Речи Посполитой сосуществовали католики, православные, протестанты, иудеи и мусульмане) ведет к ослаблению и гибели государства. Его знаменитый труд «О единстве Церкви Божией под одним пастырем» [Skarga 1882: 223-526] (1577) был направлен против православия и призывал к унии православной церкви с католической [Самойлова 2012].

2. П. Скарга высказывался о приоритете духовной власти над светской: он считал, что государство является телом Польши, а религия – душой. Без «души» государство нежизнеспособно. Именно в католической вере Скарга видел главную духовную скрепу, объединяющую разнородное общество Речи Посполитой. Эти идеи П. Скарга высказал в трактате, обращенном к правящему классу Польши – шляхте, которая заседала в сейме [Skarga 1857]. Идеи первенства духовной власти содержатся во второй проповеди «О благоговеющей любви к Отчизне и о первых обязанностях благочестивых граждан» (O miłości ku ojczyźnie i o pierwszej powinności obywatela jej) [Skarga 1857: 21-29]. В этой проповеди П. Скарга развивает мысль о том, что королевство без религии, как тело без души, – вскоре распадется [Skarga 1857: 11-12]. Из этой аналогии логично вытекает идея верховенства духовной власти над светской: если душа выше тела и управляет им, то и церковь должна иметь моральный приоритет над королем [Skarga 1857: 45].

3. П. Скарга был сторонником сильной наследственной монархии: он резко критиковал политическое устройство современной ему Польши. Он критиковал «шляхетскую демократию», видя в привилегиях шляхты источник анархии и слабости государства перед внешними угрозами со стороны Турции и Москвы. В третьей проповеди [Skarga 1857: 21-29]. П. Скарга изложил политическую программу спасения Речи Посполитой путем укрепления монархической власти. Он критиковал выборность короля, называя ее источником смут, анархии и иностранного вмешательства. П. Скарга сравнивал государство с семьей, где король – отец, а подданные – дети. Как в семье власть отца естественна и не выбирается, так и в государстве власть монарха должна быть естественной и неоспоримой.

4. Важной составляющей политических взглядов П. Скарги являются идеи, направленные на критику шляхты за угнетение крестьян и горожан. Этому была посвящена седьмая проповедь, в которой он рассуждал о «пятой болезни» Речи Посполитой – «о несправедливых законах и о попрании рабочего народа в подданстве у шляхты» [Skarga 1857: 55-63]. П. Скарга осуждал чрезмерные повинности и бесправие крестьян, аргументируя это тем, что

нищее население не может стать опорой государственной власти. Скарга обвинял шляхту в несправедливости законов, превративших простой народ в рабов, с которыми обращаются хуже, чем с волами и лошадьми. Такое положение, по его мнению, вызывает гнев Божий и ослабляет государство. Ослабление крестьян и горожан подрывает экономику и торговлю Польши. П. Скарга сравнивал экономическое состояние городов и купечества со странами Западной Европы, высказывал идею экономического и политического укрепления городов: слабость городов – причина слабости всего государства. Таким образом, мотивация П. Скарги защищать интересы простого народа и горожан была вызвана не демократическими, а глубоко консервативными и религиозно-государственническими убеждениями.

Политические идеи П. Скарги при его жизни не нашли поддержки среди шляхты, которая не желала ограничения своих прав и привилегий, его проповеди шляхта воспринимала лишь как моральное предупреждение. В исторической перспективе П. Скаргу стали считать пророком, предсказавшим будущие бедствия Речи Посполитой (упадок, разделы). Его критика слабости государства стала особенно актуальной спустя полтора-два века, когда страна пришла в упадок и была разделена соседями.

Выводы. Таким образом, политические взгляды Петра Скарги – это цельная, глубоко религиозная и консервативная доктрина, направленная на создание сильного, централизованного и монолитного католического государства, способного выстоять в условиях внутренних и внешних угроз. Наследие П. Скарги продолжает оказывать влияние на современные политические процессы в Польше и, в меньшей степени, в России. В польских консервативных и националистических кругах риторика Скарги используется для призывов к моральному обновлению, борьбе с коррупцией и укреплению национального единства. Польские консерваторы ищут в идеях Скарги критику либерального плюрализма, обоснование «твердой руки» в управлении государством, продвигают традиционные ценности, борьбу с абортами и ЛГБТ.

В России идеи П. Скарги, связанные с Брестской унией, хотя и не имеют прямой актуальности, поскольку он был идеологическим оппонентом, важны для понимания противоречивого исторического контекста современных российско-польских отношений как исторический пример религиозной и идеологической экспансии, способствовавшей конфликтам между Польшей и Россией.

Список литературы

Андреев И.Л. 1981. Сейм 1587 года и третье бескорольеве в Польше. – *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. № 2. С. 57-70.

Андреев И.Л. 1986. К вопросу о политической программе польских иезуитов в конце XVI в. (Петр Скарга и Станислав Варшевицкий). – *Общественно-политическое развитие стран Центральной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время*: межвузовский сборник. М. С. 3-19.

Греков Б.Д. 1953. *Киевская Русь*. М.: Государственное издательство политической литературы. 562 с.

Дмитриев М.В. 2003. *Между Римом и Царьградом: генезис Брестской церковной унии 1595-1596 гг.* М.: Изд-во МГУ. 320 с.

Карамзин Н.М. 1829. *История Государства Российскаго*. СПб: Тип. Н. Греча: иждивением братьев Слениных. Т. 12. 586 с.

Лихачев Д.С. 1945. *Национальное самосознание древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв.* М.; Ленинград: Изд-во АН СССР. 118 с.

Мавродин В.В. 2009. *Древняя Русь. Происхождение русского народа и образование Киевского государства*. М.: Русский мир. 392 с.

Насонов А.Н. 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР. 262 с.

Поршнева Б.Ф. 1976. *Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства*. М.: Наука. 437 с.

Самойлова М.П. 2012. Античное наследие в трактате Петра Скарги и его роль в переходе к рационалистической линии рецепции античного наследия в творчестве отечественных авторов. — *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. № 13(123). С. 59-66.

Толочко П.П. 1990. Славяне и Русь (в зарубежной историографии). — *Сборник научных трудов. Институт археологии АН УССР*. Киев: Наукова думка. С. 99-121.

Филюшкин А.И. 2013. *Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*. СПб: Дмитрий Буланин. 845 с.

Филюшкин А.И. 2018. *Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного*. М.: Новое литературное обозрение. 318 с.

Флоря Б.Н. 1996. Подготовка Брестской унии и Ватикан. — *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в.* Ч. I. *Брестская уния 1596 г. Исторические причины события* (отв. ред. Б.Н. Флоря). М.: Индрик. С. 155-168.

Флоря Б.Н. 2007. Отношения государства и Церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). — *Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье*: сборник. М.: ЦНЦ ПЭ. С. 421-430.

Флоря Б.Н. 2023. *Польско-литовская интервенция в России и русское общество*. М.: Академический проект. 365 с.

Хуснутдинов Т.Р. 2024. Истоки политического богословия и полемическая аргументация Петра Скарги. — *Казанский социально-гуманитарный вестник*. № 3(66). С. 61-69.

Brückner A. 1908. *Dzieje literatury polskiej w zarysie*. Warszawa: Warszawa Nakk. Gebethnera i Wolffa. 506 p.

Grzybowski S. 1966. *Historia państwa i prawa Polski*. Warszawa: Państw. wyd-wo nauk. 1962-1982. T. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Ч. 2.

Grzybowski S. 1994. *Problemy polityczne Polski zyguntowskiej*. Warszawa: Państw. inst. wydaw. 298 p.

Kot S. 1932. *Ideologia polityczna i społeczna Braci polskich zwanych arjanami*. Warszawa: Inst. popierania nauki. 160 p.

Skarga P. 1857. *Kazania Sejmowe, Także Wzywianie do pokuty obywatelów koronypolskiej*. Krakow. 160 p.

Skarga P. 1882. *O iednosci Kosciola Bozego pid iednym pasterzem*. — *Русская историческая библиотека*. Т. VII. СПб. 930 p.

Sobieski W. 1902. *Nienawiść wyznaniowa tłumów za rządów Zyguntuna III*. Warszawa: nakł. Stefana Dembego. 201 p.

Sobieski W. 1910. *Polska a hugonoci po nocy Św. Bartłomieja*. Kraków: Nakł. akad. umiejętności, z Funduszu Nestora Bucewicza etc. 231 p.

Tazbir Ja. 1962. *Piotr Skarga*. Kziazka i Wiedza. 214 p.

Tazbir Ja. 1967. *Państwo bez stosów*. Warszawa. 296 p.

SAMOILOVA Maria Pavlovna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of History and World Politics, Dobrolyubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603950; marysom@mail.ru)

POLITICAL IDEAS OF PETR SKARGA: HISTORIOGRAPHY AND MODERN TIMES

Abstract. *The article examines the key political ideas of the Jesuit preacher Piotr Skarga, including the concept of a unified state and strong power, his critique of Protestantism, and his views on the Counter-Reformation. These ideas, formulated in the 16th century, are considered in the context of contemporary challenges such as political polarization, questions of state sovereignty, and religious diversity. The article explores the historiography of this issue, as well as the relevance of ideas of this Catholic preacher to contemporary discussions about the role of religion in politics and the search for ways to strengthen statehood, and identifies similarities and differences between his era and the present time.*

Keywords: *Petr Skarga, historiography, Union of Brest, religious controversy*